

И.Ю. Жилина

«СЫРЬЕВАЯ ЭКОНОМИКА» И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Долгое время обеспеченность страны запасами полезных ископаемых, обилие плодородной земли и других природных ресурсов считались важными и позитивными факторами развития. Однако появившиеся в последние десятилетия многочисленные исследования, посвященные влиянию ресурсного богатства на экономическое развитие, показывают, что оно отнюдь не всегда гарантирует процветание.

В настоящее время Россия играет в мировой экономике роль экспортера сырья и импортера потребительских и инвестиционных товаров и услуг. Данная модель экономического развития не обеспечивает ни высоких темпов роста благосостояния населения, ни международной конкурентоспособности российских предприятий, ни национальной безопасности страны. Сегодня перед страной стоит задача перехода к «несырьевой» модели экономики. Реализуема ли она?

Природно-ресурсный потенциал России

Природный потенциал, включающий климатические условия, земельные, лесные, водные ресурсы, животный мир, минеральное сырье и т.д., всегда имели для России и ее населения гораздо большее значение, чем для многих других стран. И сегодня естественная среда, а также сырьевые отрасли продолжают оказывать сильнейшее влияние на социально-экономическое развитие России.

В настоящее время в большинстве стран мира непроектируемые активы, в том числе материальные (земля, запасы полезных ископаемых, естественные биологические и водные ресурсы), учи-

тываются при оценке стоимости национального богатства (1). Основной частью непроеизводственных активов является земля. По данным Росстата, площадь земельного фонда Российской Федерации на начало 2007 г. составляла 1709,8 млн. га; площадь сельскохозяйственных угодий во всех категориях земель – 220,6 млн. га (12,9% всего земельного фонда страны); на долю несельскохозяйственных угодий приходилось 1489,1 млн. га (87,1%) (11). Землю, принадлежащую РФ, Федеральное агентство кадастра объектов недвижимости оценивает в 23,6 трлн. руб. (38).

Российская Федерация занимает первое место в мире по запасам древесины. На ее долю приходится 22% мирового леса, что составляет 82,1 млрд. м³, из которых более половины пригодны для рубки. Следом за Россией идут Бразилия, Канада и США (30). Запасы древесины на корню в расчете на одного жителя в среднем по миру составляют 65 м³, в Канаде – более 570, в России – 561, в Финляндии – свыше 370, в США – около 83 м³ (19).

По оценкам экспертов, экспортный потенциал лесопромышленного комплекса (ЛПК) при углублении степени переработки древесины может составить 120 млрд. долл., тогда как в настоящее время – 10 млрд. долл. Экспорт древесины, включая древесину высокой степени переработки, вполне может приносить валютную выручку, эквивалентную получаемой нашей страной от продажи сырой нефти (21).

Россия обладает значительными водными ресурсами и занимает первое место в мире по запасам пресной воды. Статические (вековые) запасы водных ресурсов на территории России, большая часть которых сосредоточена в озерах (26,5 тыс. км³) и подземных (28,0 тыс. км³) водах, составляют в целом 90 тыс. км³/год. В ледниках скоплено около 18 тыс. км³ льда, в котором законсервировано более 15 тыс. км³ статических запасов пресной воды. Таким образом, суммарные естественные ресурсы пресных вод России оцениваются в 10 198,1 км³/год. Их основной объем приходится на долю речного стока (41,9%) и почвенные воды (34,3%) (39).

Одним из показателей, используемых для измерения ресурсного изобилия, является объем запасов полезных ископаемых. По оценкам, в России сосредоточено от 17 до 20% всего минерально-сырьевого потенциала мира (36). В расчете на душу населения это примерно в 5 раз выше среднемирового уровня, но не самый высокий страновой показатель (в Канаде и Австралии он выше) (25, с. 18). Современный ресурсный потенциал России и его возможности для

социального обустройства общества в расчете на душу населения в 2–2,5 раза превышает ресурсный потенциал США, в 6 раз – Германии, в 18–20 раз – Японии (15). Однако по другим данным, Россия не входит в десятку самых ресурсообеспеченных стран, занимая лишь 12-е место по обеспеченности ресурсами в расчете на душу населения, а по отношению запасов нефти и газа к ВВП – 15-е (24).

Специалисты Международного банка реконструкции и развития (МБРР) в конце 90-х годов XX в. оценивали запасы полезных ископаемых в России в 10 трлн. долл. (аналогичные оценки по Бразилии составляли 3,3 трлн. долл. по Китаю – 662 млрд. долл., по Индии – 452 млрд. долл.) (1). По данным Росстата, стоимость разведанных недр России в 2007 г. составляла 26–27 трлн. долл. (39), а ресурсный потенциал России оценивается в 150 трлн. долл. (12).

В мире насчитывается 166 горнодобывающих стран. США, Китай и Россия занимают соответственно первое, второе и третье места, на них приходится около 41% всей мировой добычи минерального сырья. В целом же на первую десятку горнодобывающих стран приходится 64% мирового объема добычи сырья (15). Несмотря на различия в оценках потенциальных запасов полезных ископаемых, Россия располагает самыми крупными в мире разведанными запасами (в % от общемировых): апатитов (64,5); железа (32,0); никеля (31); бурых углей (29); олова (27); кобальта (21); цинка (16); урана (14); свинца (12); меди (11). Кроме того, Россия имеет крупные запасы золота, алмазов, изумрудов, платины и др., которые наиболее активно вовлекаются в промышленную разработку (1).

Особое значение в современных условиях имеют запасы углеводородного сырья. По оценкам британской нефтяной компании «British Petroleum» (BP), РФ занимает первое место в мире по доказанным запасам природного газа (47,6 трлн. м³, т.е. 26% мировых запасов) (2). Россия, Иран и Катар в сумме обладают примерно 58% мировых запасов природного газа. Достоверных отечественных запасов природного газа хватит на 77, а с учетом прогнозных ресурсов – более чем на 200 лет (9).

Потребность в природном газе в России и на мировых рынках ежегодно увеличивается, и эта тенденция в долгосрочной перспективе сохранится. С 2000 г. ежегодные темпы роста внутреннего спроса составляли в среднем 2,2%. Доля газа во внутреннем энергопотреблении увеличилась с 49,6% в 2000 г. до почти 53% в 2007 г. По различным сценариям Энергетической стратегии России до 2030 г. рост внутреннего потребления будет составлять от 1,8 до

2,2% в год. По оценке Международного энергетического агентства (IEA), потребление газа в мире в этот же период будет расти несколько быстрее: на 2,3% в год. К 2030 г. потребление газа увеличится на 90% (4, с. II).

Однако основные газовые месторождения России (Уренгойское, Ямбургское, Медвежье), обеспечивающие более 50% газодобычи, выработаны на 47–80% (4, с. II). В среднем на месторождения, вступившие в стадию падающей добычи, сегодня приходится свыше 85% общего объема газа (22). Ввод в эксплуатацию новых месторождений, расположенных в экстремальных климатических условиях, кардинальным образом не повлияет на тенденцию снижения общего объема добычи газа.

Официальная информация о реальных запасах нефти в России отсутствует. По подсчетам западных аналитиков, по запасам нефти Россия занимает шестое–седьмое место в мире. На ее долю приходится 6,1% мировых запасов нефти (2), что примерно в 2 раза превышает нефтяные запасы США и в 4 раза – Норвегии. При этом Россия значительно уступает арабским странам: запасы нефти Саудовской Аравии впятеро больше, Ирака, Кувейта, Объединенных Арабских Эмиратов и Ирана – приблизительно вдвое. Однако Россия – мировой лидер по запасам природного газа. И это обеспечивает ей лидерство по совокупным запасам нефти и газа (24).

Оценки нефтяных запасов России, проводимые нефтяными компаниями и специализированными организациями расходятся. По данным ВР, они составляют 60 млрд. баррелей; «Oil and gas journal» оценивает их в 48,6 млрд. баррелей (40, с. 7). Как считают эксперты ВР, при сохранении нынешних темпов добычи России хватит доказанных запасов нефти на 21,3 года. Но есть и более оптимистичные прогнозы. Так, компания «DeGolyer & MacNaughton» (США) оценивает фактические доказанные запасы нефти в России в 150–200 млрд. баррелей (2).

С 1994 г. прирост запасов нефти в России не компенсирует текущую добычу. В 2006 г. при добыче нефти в 459 млн. т на территории России были разведаны месторождения, общим объемом 236 млн. т. (22). По данным Министерства природных ресурсов и экологии РФ (МПРиЭ), прирост запасов нефти в России в 2007 г. составил около 80 млн. т. По оценкам МПРиЭ, к 2020 г. Россия прирастит до 9 млрд. т нефти и до 16,5 трлн. м³ газа (2).

Темпы роста добычи нефти в России начали снижаться в 2004 г., что объясняется ухудшением сырьевой базы вследствие

отработки наиболее доступных и хорошо подготовленных месторождений; неэффективными методами их эксплуатации (из-за высоких цен на нефть российские нефтяные компании уделяют меньше внимания поиску новых месторождений¹ и направляют основные усилия на добычу и экспорт); удаленностью основных месторождений (около 80% разведанных нефтяных запасов расположены в удаленных районах России, что сильно осложняет добычу и увеличивает стоимость транспортировки сырья к перерабатывающим предприятиям и конечным потребителям). Кроме того, по расчетам Международного энергетического агентства, до 2030 г. для поддержания нынешнего уровня добычи необходимы инвестиции в размере 374 млрд. долл., т.е. примерно 14–15 млрд. долл. в год (22).

Вместе с тем относительно низкая себестоимость добычи российской нефти обеспечивает ее высокую конкурентоспособность, особенно на европейском рынке. По данным Минпромэнерго России, в среднем по России себестоимость добычи нефти составляет около 4 долл. за баррель, что значительно ниже себестоимости добычи в США, Норвегии и Великобритании – 6–7 долл. за баррель (по данным международных источников, затраты по добыче нефти Западной Сибири примерно равны затратам добычи в Северной Америке и Северном море) (26).

Механизмы «ресурсного проклятия»

Кажется очевидным, что страна, обладающая природными ресурсами, имея естественные преимущества, должна при прочих равных условиях развиваться быстрее, чем страны, лишенные природных богатств. Однако это не всегда подтверждается фактическими данными.

В 1950-е – начале 1960-х годов считалось, что важнейшие проблемы государств, экономика которых зависит от экспорта сырья, связаны с долгосрочной тенденцией снижения цен на него по отношению к ценам на продукцию обрабатывающих отраслей. Эти взгляды были широко представлены в книгах и статьях известного аргентинского экономиста Р. Пребиша, который сделал предположение о снижении доли сырьевых производств в ВВП в будущем

---

¹ При этом увеличение объемов запасов нефти и газа на 1% за счет повышения эффективности геофизических исследований сопоставимо с годовым приростом добычи углеводородов. Это же касается и других видов полезных ископаемых (15).

вследствие технического прогресса. В результате страны – производители сырья будут расти медленнее, чем страны, специализирующиеся на производстве готовых изделий.

Однако гипотеза о снижении относительных цен сырья, как показали недавние исследования с использованием современных эконометрических методов, верна лишь для некоторых сырьевых товаров и лишь для отдельных периодов. Кроме того, практически ни одна из стран, последовавших рекомендациям Г. Пребиша, не смогла вырваться из отсталости (30, с. 27).

В середине 1950-х годов канадский экономист Х. Иннис предложил теорию развития, опирающегося на главные экспортные продукты (*staple theory of economic development*). Согласно этой теории, экономики богатых ресурсами стран, в частности экономика Канады, формировались и интегрировались вокруг главных экспортных сырьевых отраслей. Развитие их экономики в большой степени определялось сменой одних экспортных продуктов другими (в Канаде в хронологическом порядке – пушнина, зерно, древесина, минералы и топливо).

Другие исследователи, анализируя воздействие сырьевого экспорта на развитие экономики промышленно развитых и развивающихся стран, обычно заключали, что оно может быть как положительным, так и отрицательным в зависимости от типа связей сырьевого сектора с остальной экономикой. В тех случаях, когда ориентация ресурсного сектора на экспорт стимулировала рост отраслей, производивших средства производства для сырьевого сектора, и отраслей, связанных с переработкой сырья, экономика, основанная на ресурсном экспорте, постепенно диверсифицировалась. Если же связи ресурсного сектора с остальной экономикой были слабыми (например, когда средства производства ввозились из-за рубежа), возникало только анклавное экспортное производство, и страна попадала в ловушку сырьевой специализации. Однако исторические исследования развития многих богатых ресурсами стран показывают, что теория ловушек сырьевой специализации не учитывает макроэкономические и политэкономические факторы, влияющие за негативное воздействие ресурсного богатства на экономический рост (30, с. 27–28).

Термин «ресурсное проклятие» ввел в оборот в 1993 г. географ-экономист Ричард М. Аути из Университета Ланкастера. Он обратил внимание на то, что во время пика нефтяных цен 1970-х годов и в последующие годы ВВП на душу населения в странах ОПЕК

снижался на 1,3% в год, тогда как остальные развивающиеся страны росли более чем на 2% в год (20; 7, с. 61).

Дальнейшее развитие теории получила в опубликованных в середине 1990-х годов работах Дж. Сакса и Э. Уорнера, выявивших факт более медленного развития стран, богатых природными ресурсами. Как они установили, данный факт вполне согласуется и с результатами исторического анализа экономического роста: в XVII в. бедные ресурсами Нидерланды обогнали богатую драгоценными металлами Испанию¹, а в конце XIX – начале XX в. Япония обогнала Россию.

Гипотеза о «ресурсном проклятии» в ее традиционном понимании состоит в следующем: страны, обладающие большим объемом природных ресурсов, как правило, развиваются медленнее, чем близкие по характеристикам, но менее богатые ресурсами экономики. Недавние исследования показывают, что в этом «сильном» смысле «проклятие ресурсов» не имеет места. Гораздо более обоснована «слабая» версия гипотезы о «проклятии»: большинство стран, богатых природными ресурсами, используют их менее эффективно, нежели другие виды капитала (29, с. 9).

Среди механизмов влияния «ресурсного проклятия» чаще всего упоминаются: влияние обилия ресурсов на конкурентоспособность прочих неторгуемых товаров («голландская болезнь»); влияние неустойчивости товарных цен на налоговые сборы; влияние ресурсного богатства на качество институтов, политических процессов и управления и т.д. (35, с. 150).

Механизм «голландской болезни», объясняющей феномен «проклятия природных ресурсов» действием макроэкономических факторов, описывают с помощью простой модели, в которой экономика страны состоит из трех секторов: ресурсного; всех торгуемых на мировом рынке товаров, кроме сырья; неторгуемых товаров, например услуг. «Торгуемость» товара не означает, что он экспортируется или импортируется; имеется в виду – он в принципе может участвовать в международной торговле, поэтому его цена зависит от цен на зарубежные аналоги. Когда цена на продукцию ресурсного сектора повышается на длительное время, под влиянием роста зарплат у «сырьевиков» происходит отток рабочей силы из торгуемого сектора. Из-за притока в страну долларов национальная валюта дорожает, делая продукцию торгуемого сектора менее кон-

---

¹ Подробнее см. источник 6, с. 82–88.

курентоспособной, а на внутреннем рынке он проигрывает сектору услуг, цены на которые слабее связаны с мировыми. В итоге инвестиции падают или растут медленнее, особенно в нересурсных секторах, в обрабатывающей промышленности и машиностроении.

Если же в нересурсных секторах существуют положительные экстерналии и возрастающая отдача от масштаба (в частности, в результате накопления человеческого капитала и развития новых технологий), то отвлечение инвестиций из нересурсного сектора в ресурсный замедляет долгосрочные темпы экономического роста страны. Иначе говоря, ресурсный и неторгуемый секторы подавляют развитие сектора торгуемых товаров.

Именно этот макроэкономический эффект, описывающий неблагоприятные макроэкономические последствия ресурсного бума, проистекающие из-за провалов рынка, называется «голландской болезнью», поскольку его первое описание появилось применительно к событиям в Нидерландах, где в конце 1950-х годов были обнаружены крупные месторождения газа, после чего доходы ресурсного сектора резко выросли. С тех пор этот эффект не раз наблюдался и в других странах.

«Голландская болезнь» не обязательно связана с полезными ископаемыми. В конце 1970-х годов Бразилию поразили заморозки, и ее конкуренты на рынке кофе получили неожиданное преимущество. В Колумбии курс песо к доллару вырос почти в 1,5 раза, пострадали чуть ли не все остальные сектора экономики – кроме, конечно, госсектора, строительства и аренды жилья. В перерабатывающей промышленности, включая химию и металлургию, рост замедлился вдвое, а в легкой наступил спад (32).

Ситуация усугубляется характерными для сырьевых товаров высокими колебаниями цен¹, превышающими ценовую нестабильность прочих товарных групп. При этом на них влияют не только чисто экономические, но и политические факторы². В этой связи страны с сырьевой структурой экономики испытывают дополнительные трудности при проведении макроэкономической политики,

---

¹ К концу 2008 г. цена нефти в результате финансового кризиса упала почти в 4 раза по сравнению с ее максимальными значениями в том же году.

² Характерный пример – развитие событий на рынке меди в конце 1940-х – начале 1950-х годов. Начало корейской войны, рост потребности военной промышленности США привели к повышению спроса на этот металл. Быстро нарастить его добычу было невозможно. Отсюда скачок цен в начале 1950-х годов и затем их снижение после окончания войны (6, с. 102).

поскольку в результате изменчивости цен на сырье происходят значительные колебания бюджетных доходов и реальных обменных курсов валют стран-экспортеров. В ситуации благоприятной ценовой конъюнктуры увеличение доходов государства, как правило, сопровождается ростом расходных обязательств бюджета, исполнение которых в долгосрочной перспективе зависит от конъюнктуры мировых рынков. Таким образом, если не принимаются меры по диверсификации экономики, возрастают риски проведения несбалансированной бюджетной политики.

В период же высоких цен страны-экспортеры часто сталкиваются со значительным повышением курсов своих национальных валют, что снижает конкурентоспособность национальных производителей торгуемых товаров и повышает риски деиндустриализации экономики. Макроэкономическая уязвимость стран – экспортеров сырья повышает их страновые риски и снижает привлекательность для инвесторов (5, с. 52–53).

Изобилие ресурсов приводит как политиков, так и частных лиц к определенной самоуспокоенности¹, в результате чего может замедляться реализация структурных и прочих мер по диверсификации экономики. Чрезмерные траты в благоприятные периоды с необходимостью приводят к их резкому сокращению в случае обвала цен на ключевые блага, что только усиливает неблагоприятные воздействия торговых колебаний.

Еще одно направление в современной литературе о «ресурсном проклятии» – изучение политэкономических последствий ресурсного бума. В этом случае доходы от разработки ресурсов увеличиваются настолько стремительно, что становится выгоднее вкладывать средства в дележ ренты, а не в производственную деятельность, т.е. для стран богатых природными ресурсами характерно рентоориентированное поведение, когда различные группы соревнуются между собой за присвоение ренты от природных ресурсов. В результате производство снижается, а природные ресурсы используются неэффективно. При этом, чем больше размер сырьевого сектора, тем больше предпринимателей вовлечены в рентоориентированную деятельность. Соответствующее падение производства сводит на нет положительный эффект увеличения доходов сырьевого сектора, в результате чего снижается общий выпуск и благосостояние (10, с. 5).

---

¹ Такое поведение называют «миопическим бездействием» (35, с. 157).

В таких условиях государственные усилия по перераспределению ресурсной ренты (госинвестиции и субсидии для развития нересурсного сектора, финансируемые за счет обложения налогами сверхприбылей) могут оказаться неэффективными из-за плохого инвестиционного климата, роста неравенства, ухудшения человеческого капитала (30, с. 30).

Ряд специалистов полагают, что сырьевая зависимость негативно сказывается на экономической динамике и по технологическим причинам. Низкая трудоемкость сырьевых производств даже с учетом создания рабочих мест в смежных отраслях, как правило, не позволяет создать достаточное количество рабочих мест в высокопроизводительном секторе экономики (5, с. 53). Кроме того, подчеркивают В. Полтерович, В. Попов и А. Тонис, добывающие технологии относительно просты и не предъявляют высоких требований к человеческому капиталу, являясь в то же время относительно капиталоемкими. Поэтому вложения в добычу не создают сильных экстерналий для других отраслей, мало сказываясь и на приращении новых знаний и на повышении квалификации работников (30, с. 9).

Специалисты Центра экономических и финансовых исследований и разработок в Российской экономической школе (ЦЭФИР) предположили, что в зависимости от обеспеченности природными ресурсами динамика накопления человеческого капитала, включающего как формальный уровень образования, так и развитие навыков и умений, необходимых для производства продукции, кардинально различаются.

В богатых ресурсами экономиках в добывающих и обрабатывающих отраслях капитал постепенно замещает труд и снижает его роль в производстве. В результате, с одной стороны, стимулы к инвестициям в человеческий капитал снижаются, а с другой – переход на следующую ступень развития, например от добычи сырья к переработке, – невозможен без достаточного количества высокообразованных и квалифицированных работников.

В бедных ресурсами экономиках такой проблемы не возникает, поскольку по мере накопления капитала труд становится все более и более дефицитным, т.е. более дорогим, а потому у самих работников имеются стимулы вкладывать средства в приобретение новых навыков. Это, в свою очередь, ускоряет развитие новых, более прогрессивных отраслей обрабатывающей промышленности.

Исследовав особенности развития 11 отраслей промышленности в 44 странах на протяжении 1980–1990-х годов, специалисты

ЦЭФИР выяснили, что в богатых углеводородами странах отрасли, где больше используются работники с высоким уровнем человеческого капитала (нефтехимия, машиностроение и др.), находятся в менее выгодном положении по отношению к другим отраслям (например, к пищевой промышленности), чем в странах, бедных ресурсами. В экономиках, богатых природными ресурсами, отрасли, требующие высококвалифицированного труда, теряют 1–2% роста в год по сравнению с теми же отраслями в бедных ресурсами странах (3).

Однако некоторые экономисты, в частности А.П. Заостровцев, называют технологическую простоту добывающего сектора мифом и напоминают о новых технологиях добычи нефти и газа на шельфе, производстве и транспортировке сжиженного природного газа. По мнению ученого, здесь наблюдаются и мощные «переливы», стимулирующие развитие смежных отраслей. «Современная нефтегазодобыча и связанные с ней смежные производства ближе к хай-тек, чем к “технологической простоте”» (23, с. 27).

Многие специалисты указывают на политическую составляющую экономики «ресурсного проклятия». И если вначале политические факторы воспринимались как вспомогательные переменные, дополняющие экономические интерпретации феномена «ресурсного проклятия», то в дальнейшем политические объяснения стали мейнстримом. Более того, для многих исследователей «нефтяное проклятие» (как разновидность более общего «ресурсного проклятия») стало именно политической, а не экономической проблемой (23, с. 31).

Взаимосвязь между ресурсным изобилием и политическим развитием довольно сложна. А.Н. Щербак выделяет два основных направления исследований: а) роль и значение политических институтов для «нефтяного проклятия» и б) ресурсное изобилие и возникновение вооруженных конфликтов¹. В первом случае основной тезис заключается в том, что «слабые» политические институты усугубляют все негативные эффекты нефтяного изобилия и, собственно, порождают «проклятие». Напротив, «сильные» институты²

---

¹ Проблемы вооруженных конфликтов в данном обзоре не рассматриваются.

² Под «сильными» политическими институтами понимаются институты, обеспечивающие верховенство права; защиту прав и свобод граждан, включая право собственности; общественный контроль над правительством, в том числе и через свободные и справедливые выборы; подотчетность силовых структур гражданским властям. «Слабыми» являются институты, в той или иной степени не соответствующие вышеозначенным критериям (23, с. 32).

способны нейтрализовать «темную» сторону нефти, и изобилие превращается в дар. Однако правильнее будет сказать, что ресурсное изобилие – это, прежде проверка на прочность экономической и политической системы государства (23, с. 32).

В государстве со слабыми институтами правительство может проводить политику без оглядки на оппозицию, экономические интересы, общественные движения, оно не принимает во внимание существующие юридические, политические и финансовые ограничения, что в итоге приводит к злоупотреблениям. Сильные институты связывают правительству руки и заставляют его действовать лишь в рамках дозволенного. При этом у политиков в государствах со слабыми институтами могут быть самые благие намерения – поддерживать экономический рост, добиться справедливого (по их мнению) распределения доходов, всеобщего благополучия, укрепить внешнеполитические позиции своей страны (23, с. 32–33).

Как показывают исследования, в странах со слабыми институтами рост доходов ресурсного сектора увеличивает выгоды пребывания у власти, а также предоставляет политикам ресурсы, с помощью которых они могут влиять на исход выборов. В результате, изобилие природных ресурсов ведет к чрезмерной добыче и неэффективному распределению природных ресурсов, что отрицательно сказывается на экономическом развитии. Вместе с тем в странах с развитыми институтами влияние на исход голосования оказывается неэффективным, и подъем ресурсного сектора положительно сказывается на общем уровне ВВП.

По мнению С. Гуриева и К. Сониной, тот факт, что «ресурсное проклятие» поражает не все страны, а только государства со слабыми политическими институтами свидетельствует о несостоятельности гипотезы о макроэкономической природе «ресурсного проклятия» (7, с. 65). Как отмечают В. Полтерович, В. Попов и А. Тонис, имеет место «условное проклятие»: в странах с развитыми политическими и экономическими институтами нефтяное богатство не влияет на рост (или влияет положительно), а в незрелых демократиях отрицательный эффект присутствует (30, с. 34–37).

В последнее время многие специалисты подвергают сомнению само существование «ресурсного проклятия». Даже Дж. Сакс признает, что теория «ресурсного проклятия» не доказана строго, хотя «имеются веские статистические аргументы в ее пользу» (20). Противники теории «ресурсного проклятия» указывают на ряд ошибок, характерных для эмпирических работ ее сторонников,

прежде всего на некорректность использования объема экспорта природных ресурсов в качестве меры ресурсного богатства. Еще одной ошибкой является слишком короткий промежуток оценивания, а также эндогенность некоторых переменных.

Кроме того, критики теории «ресурсного проклятия», используя альтернативные меры ресурсного богатства, показывают, что влияние запасов полезных ископаемых, газа и угля на экономическое развитие может быть и положительным, и отрицательным. Так, ряд стран, таких как Норвегия, Австралия, Канада, США, Новая Зеландия, и Исландия характеризуются высокими показателями экономического развития, хотя обладают довольно большими запасами ресурсов (10, с. 5).

Существует несколько вариантов, объяснений противоречивых эмпирических закономерностей и ответа на вопрос о существовании «ресурсного проклятия». Одним из таких подходов является теория, согласно которой богатые ресурсами страны характеризуются более высоким уровнем ВВП на душу населения, но более низкими темпами роста. Например, Ф. Родригес и Дж. Сакс рассматривают модель, в которой экономика вначале быстро растет и оказывается выше своего стационарного уровня ВВП, а затем возвращается к стационарному состоянию, демонстрируя низкие темпы роста. Недостаток этой модели состоит в том, что она не объясняет, почему равновесный уровень дохода в развивающихся странах не подтягивается к уровню западных стран (30, с. 29).

В свою очередь, по мнению Н.А. Жуковой, противоречивые данные о влиянии ресурсов на экономическое развитие можно объяснить с помощью пороговой модели. В частности, с ее точки зрения, зависимость между ресурсными запасами экономики и темпами экономического роста немонотонна и имеет пороговый вид. У каждой страны есть определенный пороговый уровень ресурсного богатства, ниже которого рост ресурсных доходов увеличивает темпы роста экономики, а выше – замедляет. Пороговый уровень зависит от ряда характеристик экономики, поэтому две страны с одинаковым запасом ресурсов могут по-разному реагировать на подъем ресурсного сектора.

Кроме того, существует положительная зависимость порога от институционального развития страны: благодаря сильным институтам пороговый уровень страны может оказаться выше ее запасов. Это объясняет различия в развитии богатых ресурсами стран с сильными и слабыми институтами. Модель также показывает, что

страны богатые природными ресурсами имеют более высокий уровень ВВП на душу населения и более высокое общественное благосостояние, что означает отсутствие «ресурсного проклятия» (10, с. 24).

Согласно данным новых исследований, первоначальная трактовка негативной связи между экспортом сырья и темпом экономического роста была в значительной мере дезориентирующей. Точнее было бы говорить о «проклятии неразвитой экономики», поскольку значительные объемы экспорта сырья свидетельствуют о том, что соответствующая национальная экономика просто не в состоянии преобразовать это сырье в готовую продукцию. Но низкие темпы роста для неразвитой экономики, страдающей от структурных диспропорций, – явление вполне тривиальное, а потому ни о каком проклятии речь вообще не может идти (33).

Тем не менее данные эмпирических исследований «ресурсного проклятия» не доказывают, что страны, богатые ресурсами, жили бы лучше, если бы избавились от них. С. Гуриев и К. Сонин определяют «ресурсное проклятие» как отрицательное влияние структуры экономики на темпы экономического роста, а не на уровень развития. «Ресурсное проклятие» свидетельствует об отрицательном влиянии не самого наличия природных ресурсов, а их доминирования в национальном хозяйстве. Например, США – одни из крупнейших производителей нефти в мире, но это производство играет в их экономике небольшую роль, не покрывая и половины ее потребностей (7, с. 61).

Кроме того, с точки зрения уровня развития, многие богатые нефтью страны характеризуются более высоким показателем ВВП на душу населения, чем те, у которых мало ресурсов (в том числе и быстрорастущие). Несмотря на низкие темпы роста, характерные для Саудовской Аравии и Кувейта в последние 30 лет, они по-прежнему на порядок богаче Китая, который рос в это время в среднем на 10% в год. Возможно, Кувейт развивался бы быстрее, если бы по каким-то причинам лишился нефти. В этом случае уровень его ВВП на душу населения резко упал бы, а чем беднее страна, тем выше, при прочих равных условиях, темпы ее роста (7, с. 62).

В целом можно сделать вывод, что «ресурсное проклятие» связано с закономерностями развития политических и экономических институтов. Оно не работает в странах с устоявшимися демократическими, правовыми и рыночными институтами, поражая страны с неразвитыми институтами.

Довлеет ли над Россией «ресурсное проклятие»?

Как известно, в целом для ресурсозависимых экономик характерны: значительные запасы и уровни добычи природных ресурсов, большой объем экспорта природных ресурсов при значительной доле экспорта ресурсов в общем экспорте и ВВП. Большой объем экспорта сырья означает, что экономика страны не может конкурировать на мировом рынке в создании продукции и услуг потребительского и инвестиционного назначения. Как отмечает К. Гэдди, «за исключением нефти, газа и ряда других сырьевых товаров большая часть российской продукции неконкурентоспособна на мировом рынке» (8).

Статистические данные свидетельствуют: все вышеперечисленные черты свойственны российской экономике. Как отмечал председатель правления и главный исполнительный директор «Citigroup» М. Кляйн, выступая на XII Петербургском экономическом форуме (2008), 85% российского экспорта составляют «не потребительские товары, не автомобили, не товары производства, а то, что извлекается из недр». «Сырьевые товары занимают более 50% российского ВВП, в то время как в развитых странах этот показатель составляет менее 20%» (41).

По данным Росстата, на минеральные продукты приходилось в 2007 г. 64,7% объема экспорта (34), удельный вес природных ресурсов и продуктов их первичной переработки в общей структуре экспорта страны колебался от 78,2% в 2002 г. до 85,5 в 2006 г., а экспорт машин, оборудования и транспортных средств снизился с 9,4 в 2002 г. до 5,6% в 2007 г. (13). Правда, относительно размеров экономики Россия производит не так много нефти и газа и занимает лишь 18-е место среди ведущих стран-производителей, а относительно запасов – не так много экспортирует (24).

Импортируется в основном готовая продукция (машины и оборудование, потребительские товары), при этом сальдо экспорта услуг и технологий устойчиво отрицательны. За тот же период импорт продовольственных товаров увеличился в 3,7 раза, машин, оборудования и транспортных средств – в 9,6 раза, товаров широкого потребления – в 4,3 раза (13). В 2002–2006 гг. вклад добычи полезных ископаемых в ВВП РФ вырос с 6 до 9,5%, а доля обрабатывающих производств в этот период колебалась в пределах 15–16% ВВП (5, с. 52).

В 1998–2006 гг. экспорт углеводородов в стоимостном выражении увеличился с 28 млрд. долл. до 191 млрд. долл., т.е. в 6,8 раза, а с поправкой на динамику курса доллара – в 5,5 раза в основном за счет роста цены нефти и газа (36), поскольку в отличие от Саудовской Аравии, где добыча нефти в 2005–2007 гг. достигала исторических максимумов, в России в те же годы нефти добывалось более чем на 15% меньше, чем в 1987 г., когда Российская Федерация входила в состав Советского Союза (13). Отношение экспорта углеводородов к ВВП возросло с 10% в 1998 г. до 19,3% в 2006 г. (36).

Более того, за последние несколько лет концепция «энергетической сверхдержавы» превратилась в своего рода национальную идею, ставшую вектором развития экономики и внутренней политики России, частью общих рассуждений о растущей мощи «России, поднимающейся с колен». Сторонники этого подхода считают, что Россия способна быть ведущей энергетической державой, и выступают за наращивание инвестиций в нефте- и газодобычу, прокладку новых трубопроводов, а также за монополию России на транзит нефти и газа в Европу¹. На деле за этим мифом скрывается, по мнению В. Иноземцева и Н. Кричевского, «ужасающая неэффективность нефтегазового сектора, которую предлагается “подправить” за наш счет – недавно газовики и нефтяники попросили у правительства “всего” 100 млрд. долл. на развитие своего бизнеса» (13).

Во многом сырьевая ориентация экономики кажется естественной: трудно не поддаться соблазну воспользоваться естественным конкурентным преимуществом России – огромными запасами нефти и природного газа – не только для решения социально-экономических проблем, но и для создания новой государственной идеологии, провозглашающей, что поступления от нефтегазового экспорта служат панацеей от любых проблем, а также источником роста национального могущества в долгосрочной перспективе (21).

Хотя многие российские и зарубежные специалисты считают Россию великолепным примером политической экономии «ресурсного проклятия» в действии, российской модели сырьевой экономики присуще определенное своеобразие.

В отличие от других стран (например, Нидерландов и Великобритании в 1970-х и 1980-х годах) в России «сырьевой шок» произошел не вследствие открытия новых ресурсов, а в результате

---

¹ Внешние поставки нефти и газа в ЕС почти на 50% зависят от России (43, с. 14).

корректировки цен в начале постсоветского переходного периода. Цены на природные ресурсы, искусственно занижаемые в условиях централизованного планирования, резко поднялись после либерализации цен и снятия ограничений на внешнюю торговлю (35, с. 152).

При этом Россия смогла, по признанию ряда специалистов, избежать «голландской болезни». С 1999 г. реальный курс рубля по отношению к корзине основных мировых валют вырос на 90%, что в большой степени объясняется ростом мировых цен на нефть и увеличением ее производства и экспорта. Однако, как свидетельствуют отраслевые данные, Россия не болеет «голландской болезнью»: хотя цены в секторе услуг росли наряду с ценами на нефть, причинно-следственной связи между ними обнаружить не удалось. Не наблюдается и главного признака «голландской болезни» — стагнации обрабатывающей промышленности: по темпам роста она не уступает сектору услуг. В то же время проверить верность тезиса, согласно которому ресурсы разрушают экономические институты до такой степени, что страна теряет способность адекватно реагировать на внешние потрясения, не так просто, поскольку «ресурсное проклятие» (если, конечно, оно вообще существует), проявляется в основном в периоды резкого падения мировых цен (7, с. 64; 32). Поэтому, вполне вероятно, России еще предстоит переболеть «голландской болезнью».

Многие особенности России связаны с ее институциональной структурой. Во-первых, Россия помимо обладания огромными природными богатствами является переходной экономикой, для которой рента имеет огромное значение. Права собственности все еще относительно слабы и неустойчивы, а экономические изъяды, унаследованные от советской системы или созданные не доведенными до конца реформами, породили значительную «переходную ренту» (35, с. 155).

Во-вторых, Россия вступила в постсоветский период, имея огромный бюрократический аппарат, но парадоксально слабое государство. Принято считать, что в постсоветский период бюрократический аппарат постоянно разрастался. На самом деле общее число чиновников составляет необыкновенно малую долю от рабочей силы по сравнению с таким же показателем большинства стран — членов ОЭСР и переходных стран. Следовательно, российский вариант сырьевой экономики скорее не подтверждает гипотезу о разрастании бюрократии за счет ренты. Во многом рост числа чиновников на региональном уровне обусловлен желанием финансово

слабых региональных властей получать больше субсидий из федерального центра (35, с. 159–160).

В-третьих, Россия все еще не обзавелась тремя основными противоядиями против антиобщественного правления: ей не хватает политической подотчетности, социального капитала и принципа господства права (35, с. 153).

С учетом этих особенностей, считает У. Томпсон, Россия изначально была очень сильно предрасположена ко многим из тех политических патологий, которые описываются в литературе, посвященной «ресурсному проклятию» и их существование в современной России вполне закономерно. Например, нет никаких сомнений в том, что борьба за обладание недрами породила в стране масштабную коррупцию. Но, несмотря на многочисленные свидетельства углубления коррупции с 1991 г., невозможно объяснить этот процесс только «ресурсным проклятием»: в данном случае действует целый ряд факторов, включая развал не только политических и бюрократических контролирующих органов, существовавших при советской системе, но и развал норм и убеждений, поддерживавших старый режим. Еще один немаловажный фактор – низкие зарплаты чиновников. В целом общая институциональная атмосфера, в которой работают российские чиновники, в какой-то мере «располагает к коррупции» (35, с. 162–164). По мнению У. Томпсона, Россия вообще предрасположена к коррупции, и ее уровень был бы высоким при любых обстоятельствах. Данный вывод подтверждает даже беглый взгляд на ее бедных ресурсами соседей по СНГ (35, с. 152).

У. Томпсон в целом положительно оценивает и экономическую политику правительства, понимавшего необходимость поддерживать макроэкономическую дисциплину во время ценовых циклов. В 1999–2004 гг. Россия демонстрировала примерную налоговую дисциплину. Правительство извлекло урок из налогового коллапса 1998 г. и в 2000–2003 гг. предпринимало амбициозные и масштабные попытки структурных реформ. Однако на него постоянно оказывалось политическое давление со стороны целого ряда лоббистских групп, требующих тратить «нефтяные» деньги или урезать налоги (35, с. 157–158).

Как свидетельствует опыт различных стран Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока, появление дополнительного источника крупных доходов позволяет отложить давно назревшие реформы. Доходы от нефти давали этим странам возможность про-

водить политику защиты промышленности от конкуренции со стороны импортных товаров гораздо дольше, чем этого требовала экономическая эффективность; кроме того, государство слишком много и неэффективно инвестировало в экономику.

В результате проведенного анализа У. Томпсон приходит к выводу: утверждения о превращении России в «снежную Венесуэлу», сильно преувеличены. Удивляет не то, как хорошо Россия соответствует стереотипам сырьевой политэкономии, а то, как успешно она до сих пор сопротивлялась многим институциональным и политическим извращениям, обычно ассоциируемым с развитием, основанным на сырье. Более того, есть все основания утверждать, что и без всяких ресурсов Россия страдала бы от тех же самых проблем. В то же время в тезисе об опасности ресурсного богатства России для ее политического развития все же есть некоторая справедливость. Однако основная проблема не в природе этих ресурсов, а в их локализации в институциональной среде, плохо подготовленной для преодоления проблем, порождаемых богатством такого рода (35, с. 172).

Более критично оценивает влияние «ресурсного проклятия» на Россию К. Гэдди. По его мнению, российская экономика опирается на два столпа – нефть и газ, служащие опорой для бизнеса в сфере розничной и оптовой торговли, потребительских товаров, строительства, недвижимости, т.е. «вненефтяной экономики». При этом значение нефти для развития экономики не уменьшается. Наоборот, нефть становится более важной, так как все больше предприятий и рабочих мест зависят от нефтяных и газовых доходов.

Рассматривая в связи с этим проблему распределения суммарной ренты между разными секторами, К. Гэдди отмечает, что теоретически нефтегазовую сверхприбыль должен поглощать Стабилизационный фонд. На самом деле в фонд направляются только доходы от экспорта нефти, а потому в 2006 г. в нем было аккумулировано всего около 14% от суммарной ренты (8). Остальное распределяется между частными владельцами сырьевых компаний, оставляющих себе солидную долю в виде прибыли, часть из оставшегося государство собирает в форме налогов. Но большая часть ренты распределяется через механизм «неформальных налогов». Они включают цено-

вые дотации на природный газ¹, взятки, откаты и «добровольные пожертвования» властям, особенно на местах.

Однако самым важным видом неформального налога являются избыточные расходы на добычу. Нефтяные и газовые компании заказывают оборудование и другую потребляемую продукцию у местных производителей, даже если их товары неконкурентоспособны, поддерживая существование местных предприятий, что означает рабочие места, доходы и налоговые поступления в местные бюджеты. Другими словами, сырьевые компании выделяют часть ренты местной экономике.

Получатели распределяемой ренты по вполне понятным причинам одобряют такую систему, а ее изначальные владельцы вынуждены это делать. «Неформальные» налоги не установлены законами, но на практике они не менее обязательны. То же относится и к чрезмерным расходам. На общенациональном уровне «дань» может уплачиваться в форме проведения компаниями политики, соответствующей геополитическим интересам государства, даже если с коммерческой точки зрения она не имеет смысла.

Нефтегазовая рента, считает К. Гэдди, предоставила возможности для достижения усиления государства и поддержания социальной стабильности. В роли управляющего рентой В. Путин сделал три вещи, причем с точки зрения собственных целей очень хорошо. Во-первых, он наладил управление сбором ренты. Во-вторых, он установил четкие приоритеты для использования формальной ренты. Одним из них стало восстановление суверенитета России. В-третьих, В. Путин взял под контроль реальный процесс раздела ренты, построив модель, в которой губернаторы видят свою первоочередную задачу в централизованном сборе ренты. Это стало причиной реформирования политической системы и введения института прямого назначения губернаторов, что свидетельствует об усилении авторитаризма (8).

Ряд российских экономистов склоняются к мысли о том, что в России «ресурсное проклятие» проявляется в «слабой форме». К такому выводу приходят В. Полтерович, В. Попов и А. Тонис, проанализировав особенности экономической политики и экономических институтов в странах, богатых ресурсами (создание стабили-

---

¹ Начиная с 2000 г. происходило значительное сокращение скрытых субсидий, предоставляемых российской промышленности и домохозяйствам (35, с. 161).

зационных фондов, институтов развития, проблему национализации¹). Оно оказывает на экономическую политику и институты России типичное для стран, экспортирующих ресурсы, влияние (30, с. 71). Как и другие ресурсозависимые страны, Россия накапливает золотовалютные резервы, вкладывает средства от продажи нефти в Стабилизационный фонд², небольшую их часть – в национальные проекты, создает особые зоны, технопарки, национализировывает нефтедобычу. Государство усилило свои позиции в «Газпроме», способствовало превращению этой компании из газовой в нефтегазовую (путем формирования «Газпромнефти» на базе бывшей частной «Сибнефти»), а также сделало ставку в нефтяной отрасли экономики на государственную компанию «Роснефть», усиленную активами предварительно обанкроченного ЮКОСа. Но, как показывает практика, подобные методы все же не позволили ни одной стране избежать «ресурсного проклятия» в форме неэффективного использования ресурсных богатств.

На проявление в России «мягкого» варианта «ресурсного проклятия», выражающегося в постепенном усилении авторитарных тенденций во внутренней и внешней политике указывают и другие авторы. Как отмечает Н.А. Щербак, благодаря притоку нефтедолларов правительство лишается стимулов проводить открытую экономическую политику, поощрять экономическую свободу (в широком смысле), что, в свою очередь, приводит к усилению вмешательства государства в экономику и к откату от принципов открытой политики (23, с. 41–42).

---

¹ Государство очень сильно вовлечено в производство природных ресурсов и торговлю ими, что прежде всего связано с проблемой безопасности. Немаловажную роль играет также массовое сознание, рассматривающее природные ресурсы как общенародное достояние. В небольших странах государство – единственный агент, способный создать достаточно крупные фирмы. Но и большие развитые страны держат этот сектор под особым контролем, поэтому природные ресурсы являются важным объектом геополитики. В большинстве стран, изобилующих ресурсами, добывающий сектор целиком или в значительной степени национализирован (30, с. 8–10).

² Британский журнал «The Economist» пришел к выводу, что подобные фонды могут помочь государствам, богатым полезными ископаемыми, избежать «ресурсного проклятия», если правительства будут с полной ответственностью подходить к их использованию, а деятельность самих фондов будет прозрачной, поскольку пока государство не сможет отслеживать поведение фонда, никто не гарантирует эффективность инвестирования государственных денег (42).

Тенденции последних лет показывают возрастающую роль сырьевого сектора в российской экономике. Темпы роста добычи нефти превосходят темпы роста экономики, растет доля нефти и газа в экспорте. Положительных сдвигов в сторону диверсификации российской экономики не происходит. «Уже сегодня всем понятно, – отмечают В. Иноземцев и Н. Кричевский, – что ресурсное богатство страны так и не переросло в промышленный рост и не стало основой для индустриального прорыва» (14). В результате зависимость России от сырьевых секторов может возрасти, и все негативные эффекты этого проявятся в долгосрочной перспективе, особенно с сокращением запасов природных ресурсов, хотя на сегодняшний день российская экономика является квазиэкономикой, и в ней пока удается сохранить баланс между сырьем и другими производствами (24).

Сырьевой сектор и перспективы развития экономики

По оценкам многих аналитиков, мировая экономика вступила в фазу рецессии и даже кризиса. Период аномально высоких темпов роста 2003–2007 гг., напоминавший конец 1960-х – начало 1970-х годов, завершен. С учетом этих реалий и должна строиться экономическая политика России.

Разработанный Правительством в докризисный период проект «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», определяющий пути и способы обеспечения устойчивого повышения благосостояния российских граждан, укрепления национальной безопасности и динамичного развития экономики в долгосрочной перспективе, укрепления позиций России в мировом сообществе, предполагал, что ее реализация будет происходить в два этапа. На первом этапе (2008–2012) будет концентрироваться потенциал для инновационного рывка. В этот период сырьевой сектор экономики станет донором для высокотехнологичных отраслей, отдача от которых будет на этом этапе минимальна. На втором этапе (2013–2020) технологичные и наукоемкие отрасли должны стать основой качественно нового экономического роста (16). Таким образом, сырьевому сектору, по крайней мере на ближайшие годы отводится роль локомотива экономического развития.

Однако сегодня со всей остротой встает вопрос не только о том, сможет ли сырьевой сектор, главным образом нефтегазовый,

выполнить возлагаемые на него функции в определенных временных рамках, но и, учитывая сырьевую ориентацию российской экономики, об обеспечении устойчивого роста экономики России в будущем.

На первый вопрос сейчас едва ли кто-то может ответить. Что касается ответа на второй вопрос, на этот счет существует множество рекомендаций.

В частности, О.Л. Маргания и Д.Я. Травин связывают ускорение модернизации российской экономики и избавление от «нефтяного проклятия» с постепенным ограничением вмешательства в деятельность нефтегазового сектора (23). На первом этапе, по их мнению, следует внимательно рассмотреть вопрос об отделении долгосрочных экономических интересов России в нефтегазовом бизнесе от конъюнктурных политических интересов, а также от интересов отдельных приближенных к власти группировок, стремящихся ради достижения собственных целей эксплуатировать возможности государства. Для этого надо решительно порвать с идеей расширения государственного вмешательства, как с идеей, ничего общего с реальными интересами России не имеющей. Проблемы должны решаться на рыночной основе с использованием законных мер.

На втором этапе необходимо рассмотреть вопрос о значительном увеличении частного капитала в крупнейших государственных компаниях нефтегазового сектора. Государство должно признать, что в перспективе ему лучше уйти из экономики. Не обязательно делать это резко, но возобновить курс приватизации следует в самой ближайшей перспективе.

На третьем этапе надо окончательно превратить государственные компании в частные. Контроль государства за нефтегазовым сектором должен осуществляться так же, как и за предприятиями других отраслей экономики, т.е. не с помощью акций и представительства в советах директоров, а с использованием мер антимонопольного регулирования, контроля тарифов в сфере действия естественной монополии, кредитно-денежной политики Центрального банка и т.д. (23, с. 520–522).

По мнению В. Полтеровича, В. Попова, С. Тонина, особенно важную роль для устойчивого роста экономики, богатой ресурсами, играют следующие черты экономической политики и институтов.

– Устойчивость политической системы. Переходные режимы плохо справляются с нефтяными шоками.

– Профицит или незначительный дефицит государственного бюджета. Долгосрочные государственные обязательства должны быть выполнимы и в случае значительного снижения цен на нефть. Резкое снижение налогов на корпорации или на доходы физических лиц, неоправданное повышение пенсий и заработной платы государственным служащим может привести к кризису в результате негативного шока.

– Стимулирование вложения доходов от экспорта сырья в капитал несырьевых отраслей с помощью налоговой системы. При этом выравнивание внутренних и мировых цен на энергетические ресурсы и топливо должно происходить достаточно медленно.

– Активная политика стимулирования роста, предусматривающая перераспределение избыточных экспортных доходов. Для этого надо располагать развитой системой институтов промышленной политики, обеспечивающей принятие решений в процессе взаимодействия государства, бизнеса и общества. Должен быть подготовлен достаточно большой набор эффективных инвестиционных проектов, которые могут быть инициированы при «избытке» денег.

– Осуществление взаимного контроля государственными чиновниками и бизнесменами при взаимодействии государства, бизнеса и общества. Эта функция может быть утеряна при излишней централизации.

– Недопущение резкого увеличения реального валютного курса. Вместе с тем необходимо ограничить скорость накопления золотовалютных резервов. Одна из возможностей – участие государства в проектах, предусматривающих масштабные закупки импортного оборудования.

– Контроль объема заимствований частного сектора и физических лиц.

Вместе с тем, поскольку «обилие ресурсов приводит к закреплению недоразвитости институтов или даже к еще большему ухудшению их качества» (29, с. 26), решающее значение имеет улучшение качества институтов, что особенно актуально в современных кризисных условиях.

В. Тамбовцев и Л. Валитова полагают, что основными направлениями усилий по реализации потенциального стратегического решения о преодолении «проклятия ресурсов» являются (33):

– совершенствование политического устройства страны, перевод его в состояние, препятствующее рентоориентированной дея-

тельности чиновников на всех уровнях (включая резкое снижение уровня коррупции);

– достижение высокого уровня защиты прав собственности (включая интеллектуальную) во всех сферах и секторах экономики, снижение административных барьеров хозяйствования, содействие развитию предпринимательства;

– государственная поддержка фундаментальной науки и образования.

Порядок, в котором перечислены эти направления, отражает не только их приоритетность, но и логическую последовательность реализации данных направлений, поскольку меры каждого последующего направления будут действенными и эффективными, если они опираются на ощутимые результаты, достигнутые в рамках предыдущего направления. В ином случае эффективность принимаемых усилий окажется существенно подорванной, а достигаемый уровень конкурентоспособности экономики – далеким от желаемого.

Несмотря на значительное влияние «проклятия ресурсов» на политико-экономические характеристики страны, это «проклятие» преодолимо, хотя и требует существенных усилий со стороны общества и государства.

Литература

1. Андрианов В.Д. Национальное богатство России. – Режим доступа: <http://viperson.ru/data/200612/nac.bogatstvo.doc>
2. Баскаев К. Россия имеет достаточные запасы нефти и газа. – Режим доступа: <http://www.promvest.info/354/3678>
3. Волчкова Н. Экономика нечеловеческих ресурсов. У богатых ресурсами стран нет стимулов развития человеческого капитала. – Режим доступа: <http://www.gyzkov.ru/publications.php?id=7518>
4. Газовая отрасль: Время государственных решений // Известия. – М., 2008. – 18 ноября. – Тематическое приложение: Газ России. – С. II.
5. Российская экономика в 2007 г.: Тенденции и перспективы (Вып. 29) / Е. Гайдар, В. Мау, С. Синельников-Мурылев, Л. Фрейнкман, П. Трунин, С. Дробышевский и др.; Гл. ред. Гайдар Е.Г. – М.: Ин-т экономики переход. периода, 2007. – 645 с. – Режим доступа: <http://www.iet.ru/ru/rossiiskaya-ekonomika-v-2007-godu-tendencii-i-perspektivy-vypusk-29.html>
6. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. – М., 2006. – 448 с.

7. Гуриев С., Сонин К. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 4. – С. 61–74.
8. Гэдди К. Управление рентой как основа стабильности. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/30/9140.html>
9. Жехов А. Российский рынок природного газа. – Режим доступа: http://www.promvest.info/analytic_review/576/982
10. Жукова Н.А. Изобилие природных ресурсов и экономический рост: роль институтов / Препринт # BSP/2006/079 R. – М.: Российская экономическая школа, 2006. – 36 с. – Режим доступа: http://www.nes.ru/russian/research/pdf/2006/BSP/Zhukova_rus.pdf
11. Земельная площадь. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B07_13/IssWWW.exe/Stg/d01/03-02.htm
12. Значение минерального сырья в экономике России. – Режим доступа: <http://geosite.com.ru/pageid-271-2.html>
13. Иноземцев В., Кричевский Н. Конец русской народной сказки. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/blogs/MK/2008/11/06/society/379565>
14. Исаев М. Реформирование экономики на основе потенциала природных ресурсов России. – Режим доступа: http://www.nasledie.ru/fin/6_1/6_1_1/article.php?art=67
15. Козловский Е. Минерально-сырьевая безопасность страны. – Режим доступа: <http://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=1418&nomer=50>
16. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. – Режим доступа: <http://www.government.ru/content/governmentactivity/rfgovernmentdecisions/archive/2008/11/17/2982752.htm>
17. Костюшев С. Реализация потенциалов российских водных ресурсов. – Режим доступа: <http://www.rusrev.org/content/review/default.asp?shmode=8&ida=2176&ids=162>
18. Кудрин А. Механизмы формирования ненефтегазового баланса бюджета России // Вопросы экономики. – М., 2006. – № 8. – С. 4–16.
19. Лесные ресурсы, Россия. – Режим доступа: <http://russia.rin.ru/guides/4306.html>
20. Лопатников С. Ресурсное проклятие. – Режим доступа: http://globalrus.blogspot.com/2007/09/blog-post_20.html
21. Мун Д., Музлова Г. Россия без нефти? – Режим доступа: <http://www.ngv.ru/article.aspx?articleID=21846>
22. Нефтегазовый потенциал России. – Режим доступа: http://www.kazenergy.com/index.php?option=com_content&task=view&id=1907&Itemid=209
23. Нефть. Газ. Модернизация общества / Под общ. ред. Н. Добронравина, О. Маргании / Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – Санкт-Петербург, 2008. – 522 с.
24. Об остроте нефтяной иглы. – Режим доступа: http://www.adm.yar.ru/rek/news/1b1/050413_finans.html

25. Орлов В.П. Ресурсный потенциал и государственное регулирование недропользования // Минерал. ресурсы России: Экономика и управл. – М., 2006. – № 4. – С. 18–21.
26. Оценка конкурентоспособности экономики России: отраслевой и кластерный анализ: Доклад экспертной группы Комитета Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей) по промышленной политике и конкурентоспособности (май 2005 г.) / Руководитель – Евтушенков В.П. – Режим доступа: <http://www.wood.ru/ru/loa310.html>
27. Площадь лесов и лесные ресурсы. – Режим доступа: <http://www.sci.aha.ru/ATL/ra23a.htm>
28. Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 4. – С. 4–24.
29. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. – М., 2007. – № 6. – С. 4–27.
30. Полтерович В.В., Попов В.В., Тонис А.С. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия»: К VIII Междунар. конф. «Модернизация экономики и обществ. развитие», 3–5 апр. 2007 г., Москва / Гос. ун-т – Высшая школа экономики и др. – М., 2007. – 98 с.
31. Ромашкин Р. Внешнеторговое регулирование и развитие лесопромышленного комплекса России. – Режим доступа: <http://trade.ecoaccord.org/bridges/7/12.htm>
32. Сонин К. Неуловимое проклятие. – Режим доступа: <http://www.smoney.ru/article.shtml?2007/02/12/2239>
33. Тамбовцев В., Валитова Л. Проклятие неразвитости. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/comments/2007/09/18_x_2169991.shtml
34. Товарная структура экспорта Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d03/26-08.htm
35. Томпсон У. Снежная Венесуэла? «Ресурсное проклятие» и политика России // ПрогнозИΣ. – М., 2008. – № 1. – С. 150–174. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/prognosis_13_2008/07.pdf
36. Фетисов Г. Будущее российской экономики: экспорт сырья, диверсификация или высокие технологии?: (Доклад). – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/ekob/buduschee_rossiyskoiy_ekonomiki_eksport_syrya_diversifikaciya_ili_vysokie_tehnologii_doklad_2007-10-12-4-34.htm
37. Хлебникова О. Рецепты от «ресурсного проклятия». – Режим доступа: <http://www.baikalforum.ru/asp/qa.aspx?noparma=ziwk&Gid=408&Mode=document>
38. Черный Д. Геополитический шоппинг. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.biz/2008/04/16/475465.html>
39. Шустова А.М. Водные ресурсы России. – Режим доступа: http://www.ecosystema.ru/07/referats/vod_resource.htm

40. Bensebaa F., Castel V. Russie: L'arme energetique // Futuribles. – P., 2008. – N 337. – P. 5–20.
41. Citigroup: РФ первая в мире преодолела «ресурсное проклятие». – Режим доступа: http://pda.top.rbc.ru/policy/2008/06/08/rus_180633.shtml
42. The economist: Суверенные фонды могут помочь избежать «ресурсного проклятия». – Режим доступа: <http://rosfincom.ru/analytics/29413.html>
43. Ruete M. La politique energetique de l'Union europeenne // Defense nat. – P., 2006. – A. 62, N 4. – P. 11–20.